

Эмпирическое обоснование постулата об истоках и формах социального доминирования у подростков (Часть Первая)

Empirical substantiation of the postulate about the origins and forms of social dominance in adolescents (Part One)

Иванова В.Н.

Специалист по кадровой работе, ООО «Металлургпроект», г. Москва
e-mail: vn_ivanova@mail.ru

Ivanova V.N.

HR Specialist, Metallurgproekt LLC, Moscow
e-mail: vn_ivanova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена расширенному эмпирическому обоснованию ранее выдвинутого автором постулата о механизмах компенсации психической дезадаптации у подростков на стадии формирования их как личностей. Показано, что наряду с компенсацией дезадаптационных проблем через психотерапевтический эффект в семье подростка, возможна подобная компенсация через реализацию подростком социального доминирования. Такое доминирование может иметь различные первопричины и проявляться также в различных формах, при этом оказывая существенное влияние на поведенческую стратегию индивида на всех этапах его жизни. Выявлен механизм взаимосвязи процессов, задействованных в психике человека и процессов реализации сформированных психических установок в социальных отношениях. Обоснование выдвинутого постулата проведено на основе анализа юношеских и производственных биографий нескольких выпускников 1965 г. двух параллельных классов одной из средних школ города Ярославля, а также на основе их межличностных взаимоотношений на протяжении более 60 лет. **Первая часть** посвящена постулированию научной гипотезы, описанию канонов и форм идентичности у подростков, методологии полевого социологического исследования с включенным наблюдением, характеристике выбранной в качестве объекта исследования малой социальной группы, а также краткому анализу известного литературно-художественного аналога полевого социологического исследования.

Ключевые слова: социальные отношения, инновационная деятельность, психическая дезадаптация, социальное доминирование, социальные конфликты, компенсация, постулирование, инклюзия, формирование личности, эмпирический анализ.

Abstract

The article is devoted to an expanded empirical substantiation of the postulate previously put forward by the author about the mechanisms of compensation for mental maladaptation in adolescents at the stage of their formation as individuals. It is shown that along with compensation for maladaptation problems through a psychotherapeutic effect in a teenager's family, such compensation is possible through the realization of social dominance by a teenager. Such dominance can have various root causes and also manifest itself in various forms, while having a significant impact on the behavioral strategy of an individual at all stages of his life. The mechanism of interrelation of the processes involved in the human psyche and the processes of realization of formed mental attitudes in social relations is revealed. The justification of the proposed postulate is based on the analysis of the youth

and industrial biographies of several graduates of 1965 of two parallel classes of one of the secondary schools of the city Yaroslavl, as well as on the basis of their interpersonal relationships for more than 60 years. **The first part** is devoted to the postulation of a scientific hypothesis, the description of the canons and forms of identity in adolescents, the methodology of field sociological research with included observation, the characterization of a small social group chosen as the object of research, as well as a brief analysis of a well-known literary and artistic analogue of field sociological research. **Keywords:** social relations, innovative activity, mental maladjustment, social dominance, social conflicts, compensation, postulation, inclusion, personality formation, empirical analysis.

*Вспоминаю возраст тот с любовью,
Как мне душу берегли отец и мать.
К ним в любви «расписываюсь кровью».
Только повзрослев смог это понимать.*

Юрий Комаров, «О себе», 12.10.2023 г.

Введение

Как нами ранее было отмечено в работе [1], опыт диагностики и лечения **социально-стрессовых расстройств (ССР)** в России, возникающих под воздействием важных для большинства людей экономических и политических трансформаций, позволяет выстроить новые модели дезадапционных механизмов и их проявлений в специфических условиях формирования личности подростков. У последних также появляются ССР. Ранее нами был сформулирован постулат о существовании конкретного механизма, в частности, механизма взаимосвязи процессов в психике человека и процессов в его социальных отношениях, который через различные формы социального доминирования компенсирует эффекты психической дезадаптации у подростков из неблагополучных семей. В настоящей работе нами предложено расширенное эмпирическое обоснование этого постулата. В отличие от последствий влияния внешних масштабных социальных катаклизмов на психику взрослых индивидов, что отмечено в работе [2], у подростков происходит рассогласование поведенческих траекторий и внешних социальных условий уже не по причине изменений последних, а, наоборот – по причине изменений самих личностных поведенческих траекторий.

Постулирование научной гипотезы

Хотя внешний мир, окружающий подростка, не успевает быстро меняться, его же собственное развитие вносит много изменений в его взаимодействия с этим миром. Происходят в итоге те самые ССР. Но, как правило, они не приводят к пограничным психическим расстройствам, так как семья подростка выступает в роли успешного психотерапевта, и полностью эти расстройства компенсирует. Однако все это относится к успешным семьям, под которыми понимаются семьи полные и заведомо счастливые. В противных случаях (а их не так уж и мало) реализуются альтернативные механизмы компенсации и защиты психики. При этом сферы реализации таких механизмов совершенно другие, нежели у взрослых людей. И это уже сферы не психогенные, внутренние, о которых упоминают, и детально их рассматривают Зигмунд Фрейд [3] и его дочь Анна Фрейд [4], а социальные, т.е. внешние, реализуемые в рамках социальных отношений. Поскольку психика подростка достаточно гибкая, а окружающая его социальная среда адекватна ему самому, т.е. тоже достаточно гибкая, то он в виде защитного механизма выбирает собственное поведение, соответствующее понятию социального доминирования [5]. В результате такого доминирования он пытается и самоутвердиться, и выстроить единый алгоритм своего поведения и, что самое главное, реализовать замещение традиционной психотерапии в отношении себя со стороны семьи, аналогичной психотерапией со стороны своих же сверстников и частично взрослых. То есть он здесь как бы реализует свой локальный проект социальных инноваций. У подростков из неблагополучных семей, таким образом,

наблюдается проявление защитного механизма в виде социального доминирования с целью компенсации психозов на почве расхождения динамики социальных их траекторий с реалиями достаточно стабильной окружающей среды. Однако формы такого социального доминирования бывают различные. Детальный анализ производственных и бытовых биографий, а также анализ взаимоотношений на протяжении более 60 лет, выпускников 1965 г. двух параллельных классов одной из средних школ г. Ярославля [6; 7], выявил несколько возможных форм подобного социального доминирования, в частности:

а.) *идеолого-провокационное* - доминирование через навязывание в среде подростков идеологии различных хобби, безнравственных и противоправных поступков;

б.) *иерархическое* – доминирование через выстраивание иерархической структуры в малом сообществе сверстников (секретарь комсомольской ячейки, отличник в учебе, лидер и «заводила»);

в.) *манипуляционное* – доминирование через навязывание ролевых игр сверстникам (демонстративная физическая и моральная травля слабых, втягивание в длительные выслушивание исповеди о своей жизни);

г.) *эмоциональное* – доминирование через вовлечение сверстников в зрелищные мероприятия (рассказывание анекдотов, исполнение сценок, личные выступления в самодеятельности);

д.) *информационное* – доминирование через демонстрирование владением большими объемами информации (подменяя этим обычную сообразительность);

е.) *гендерное* – доминирование через подавление «права голоса» со стороны сверстника другого пола;

ж.) *идеолого-фетишистское* - доминирование через навязывание в среде подростков определенного стиля в одежде, идеологии поведенческого эстетизма;

з.) *принципианистское* – доминирование через демонстративное проявление принципиальности, порядочности, нравственности, дисциплинированности.

Следует учесть, что опыт такого доминирования закрепляется в психике подростка, и впоследствии воспроизводится в зрелом возрасте в виде различных форм авторитаризма [8; 9], как в отношении его же семьи, так и в отношении его друзей и коллег по работе, что иллюстрируется в табл. 1. Здесь же стоит учесть и такое явление, как закрепление у людей на поведенческом уровне реализацию компенсирующих дезадаптационные проявления стрессов социальных приемов в ущерб компенсационным внутренним механизмам.

Соотнесение типов социального доминирования у подростков с поведенческими стереотипами в зрелом возрасте*

№	Формы социального доминирования в подростковом возрасте	Набор унаследованных в зрелом возрасте негативных поведенческих стереотипов как итог подросткового доминирования
1.	<i>Идеолого-провокационное</i>	Криминогенность, лицемерие, карьеризм, алогизм в поступках, конфликтность в общении, показная религиозность.
2.	<i>Иерархическое</i>	Карьеризм, кумовство, потеря контактов в семье, чиновничество, покровительственное отношение к коллегам.
3.	<i>Манипуляционное</i>	Религиозность, самоизоляция, алкоголизм, неуживчивость в коллективе, криминогенность на базе коллекционных типов хобби, навязчивое требование внимания со стороны окружающих и коллег.
4.	<i>Эмоциональное</i>	Карьеризм, алкоголизм, выпадение из семейной жизни, чиновничество, склонность к накопительству, использование служебного положения в корыстных целях.
5.	<i>Информационное</i>	Лицемерие, асоциальное, провокационное и агрессивное поведение, самоизоляция, противоправные действия.
6.	<i>Гендерное</i>	Плохо скрываемая надменность, конфликтность, неуживчивость в трудовом коллективе и в семье, подстрекательство к конфликтам.
7.	<i>Идеолого-фетишистское</i>	Карьеризм, самоизоляция, потеря контактов с детьми, использование доверия окружающих и служебного положения в корыстных целях.
8.	<i>Принципианистское</i>	Карьеризм, лицемерие, безнравственность, конфликтность в семье, менторские подходы при общении, излишняя нетерпимость к поступкам окружающих.

*Примечание: составлено автором

Если человек привык с подросткового возраста перекладывать стресс на своих коллег, то он уже не сможет в зрелом возрасте отказаться от этой освоенной им практики. И эта практика по мере взросления подростка проявляется уже отнюдь не в форме дружественных розыгрышей сверстников, не в навязывании своих пока еще безобидных интересов, а в формах, вызывающих конфликтные ситуации как в производственных коллективах, так и в социуме в целом. Так подобная конфликтность на уровне локальной производственной ячейки может вылиться в аморальный поступок, в поступок с ярко выращенной корыстной подоплекой. На уровне же производственного коллектива отмеченная конфликтная база у индивида уже выливаться может в коррупционные деяния, а на уровне страны в целом – может быть причиной и государственной измены. То есть в перспективе повзрослевший подросток с опытом социального доминирования становится и для своей семьи, и для

общества в целом потенциально проблемным, а порой и вовсе социально и криминально опасным. И такие индивиды в условиях инновационной деятельности являются непосредственными источниками появления в такой деятельности отрицательных социальных связей.

Механизм же трансформации подросткового доминирования через различные формы межличностных отношений, по мере взросления подростка, в антиобщественные и криминальные формы доминирования достаточно простой. Если в подростковом возрасте бывает достаточно завоевать себе особый статус через навязывание сверстникам различных поведенческих форм ролевых игр, то в зрелом возрасте индивиду уже требуется как определенный социальный статус, так и определенное материальное обеспечение. А такого статуса и такого материального положения уже приходится добиваться за счет аморальных, а часто и чисто криминальных деяний. Однако добиться статусного и материального положения далеко не всем их соискателям во взрослой жизни удается. И это является источником стресса, выливающегося либо в алкоголизм, либо в затворничество, поскольку индивид, что практиковал со школьных лет одну из форм социального доминирования, которая приносила ему тогда ощущения социальной значимости, уже не может смириться с ощущением социальной безликости. В итоге наступает неизбежная десоциализация такого индивида, чреватая и проблемами в его трудовом коллективе, и проблемами в его личной жизни. И именно поэтому вопрос о выявлении истоков социальной конфликтности на уровне межличностного взаимодействия, а также поисков методов купирования подобной конфликтности – является достаточно актуальной задачей в современных условиях реализации инновационной хозяйственной практики, где социальные отношения играют исключительно важную роль.

Но не редко социальное доминирование по отношению к своим конкретным сверстникам в подростковом возрасте продолжается и по мере взросления таких индивидов, если, конечно, жизненные обстоятельства способствуют сохранению их взаимных контактов. Но такое доминирование уже происходит в несколько иной плоскости, чаще всего сугубо материальной. Если у подростков основная цель доминирования статусная, т.е. подчинение через межличностные отношения, то во взрослой их жизни доминирование переходит в сферу материальных отношений. По сути дела, доминирующая в подростковом возрасте личность при взрослении становится **практически паразитирующей** по отношению к своим ранее адептам доминирования, используя при этом наработанные и закрепленные навыки подчинения, но уже в чисто материальном плане. Так, например, это может быть в форме бесконечных просьб о той же материальной помощи в виде дать денег в долг (и потом их либо долго не отдавать, либо не отдавать вообще), просьб попользоваться безвозмездно дачей или автомобилем практически без ограничений, а также в форме всевозможных просьб помощи в том либо ином деле (сходить туда-то, достать то-то и т.п.).

Ну, и, конечно, ранее доминирующая личность уже во взрослой жизни никогда не упустит возможности реализовать принцип **«ты мне – я тебе»** уже в условиях своих новых межличностных контактов, будь то в сфере родственных отношений или отношений по месту работы, или по месту жительства. То есть опять же реализуя то же самое доминирование, но уже в большей степени не с социальной целью, а с чисто экономической, материальной. И именно такое материальное паразитирование является большим препятствием для реализации инновационных проектов в творческих коллективах, в которых оказывается индивид с опытом социального доминирования в прошлом, в его подростковом возрасте. Такой индивид в творческом коллективе, как говорится, всегда будет **«тянуть одеяло на себя»**. А это уже сильная социальная отрицательная обратная связь.

Со временем, в частности, уже в преклонном возрасте, такие индивидуумы, практиковавшие чисто материальные интересы в активном возрасте, сплошь и рядом оказываются в социальной изоляции. Подобная изоляция может быть вынужденной, поскольку ресурсов и административных, и личностных уже не хватает для полноценного встраивания с окружающий социум, а может быть и результатом собственной стратегии,

поскольку индивидууму очень сложно бывает смириться с новыми условиями, в которых ни о каком доминировании уже речи быть не может. В том и другом случае социальная изоляция становится неизбежной. Индивидуум в этом случае дистанцируется и в отношении к родственникам, и в отношении к тем же бывшим одноклассникам, и, конечно, к бывшим коллегам по работе. А это выливается опять же в ту самую психическую дезадаптацию, для которой уже механизмом компенсации практически не находится. Именно поэтому можно часто наблюдать индивидуумов в преклонном возрасте с неожиданно появляющимся тяжелым характером, депрессивным состоянием и как следствие этого – с целым рядом чисто физических недугов, в первую очередь, конечно, - с алкоголизмом.

На основе сказанного можно сформулировать **принцип последовательного трансформирования** личности индивида, заключающегося в том, что **социальное доминирование** в подростковом возрасте неизбежно трансформируется в **материальное паразитирование** во взрослой жизни, а уже в преклонном возрасте – трансформируется в **социальную изоляцию**. Элементы подобного принципа трансформирования нами будут отмечены ниже в разделе настоящей работы, посвященной анализу конкретных биографий членов выбранной нами малой устойчивой группы одноклассников.

И еще один вопрос, на который хотелось бы обратить здесь внимание. Это вопрос о масштабах подверженности подростков навязыванию им поведенческих и ценностных ориентиров со стороны именно их сверстников. Ведь не секрет, что нормы поведения (те же стереотипы) подросткам прививают и в школе, и особенно в семье. Однако, как ни странно, наиболее воспринимаемыми нормами для них оказываются именно нормы, практикуемые и формируемые в их же подростковой среде. Подростки больше верят своим сверстникам, нежели взрослым, и этим сверстникам стараются подражать. А если это на практике не получается, то они стараются хотя бы стать участниками в реализации таких норм. А уж ценностные-то ориентиры подростки бескомпромиссно копируют исключительно у наиболее продвинутых в своей среде сверстников. Приведем ниже конкретный пример такого поведенческого подражания, который автору поведал один из его родственников.

Каноны и формы идентичности у подростков

Итак, в одном из дворов на Кооперативной (бывшей Железной) улице в г. Ярославле, который объединял четыре каменных дома, принадлежащих до революции 1917 г. купцам 1-ой гильдии Сорокиным, самым богатым в городе, родился в конце сороковых годов прошлого века и жил до 14-летнего возраста тот самый мой родственник. Из этих четырех домов – два двухэтажных дома раньше были мастерскими по изготовлению свинцовых и шпатовых белил, в третьем, тоже двухэтажном – находилась кузница. Четвертый же, трехэтажный дом в центре двора, представлял из себя роскошный особняк в стиле классицизма - с парадной въездной колоннадой в виде портика, и двумя балконами на третьем этаже. Рядом с особняком располагался парк, также ранее принадлежавший Сорокиным. То есть сверстников по двору у моего родственника было много. В советское время и практически до перестройки – все эти четыре дома представляли собой коридорные коммуналки, где в основном жили простые рабочие и изредка служащие. Родители моего родственника тоже были служащими, но из среды высокооплачиваемых и, поэтому у моего родственника лишь у одного из всего двора было пианино, купленное в то время, когда родственник пошел во второй класс средней школы. Родители наняли частным образом учительницу, которая и обучала его игре на фортепьяно. Он скрывал последний факт от своих сверстников и, когда шел через свой двор и улицу к учительнице на занятия по музыке, – то нес ноты за пазухой под пальто, придерживая их руками через карманы. Это чтобы никто не видел, что он несет с собой, и тем более не знал – куда он два раза в неделю ходит. Он стеснялся, и боялся быть не как все. И с ужасом всегда по дороге «на музыку» представлял, как вдруг ноты выпадут из-под пальто, и его сверстники это увидят, и придется ему все им рассказать. То есть оказаться вне дворового коллектива. В терминах же социологии – это не

что иное, как *страх потери идентичности* как члена дворового, и одновременно школьного (поскольку средняя школа там была рядом, и все дети из того двора учились в ней) сообществ.

При этом сама же идентичность, особенно в детском и подростковом возрасте, обязательно связана с манерой одеваться, точнее с тем, во что подростки бывают одеты. Естественно, в том дворе жили и в той соседней школе учились дети в основном рабочих с расположенных недалеко заводов – Ярославского моторного (тогда автомобильного) завода, Ярославского шинного завода, электромеханического завода «Красный маяк». Семейные бюджеты, особенно в послевоенное время – у всех были очень ограничены, поэтому школьники одевались скромно, если не сказать – очень скромно. На этом самом фоне родители моего родственника, будучи преподавателями одного из местных вузов и техникума, имели возможность одевать сына гораздо лучше обычного. Так еще в начальных классах для него была куплена коричневая натуральная дубленка, кирзовые сапожки, жесткий заплечный школьный ранец, форменная школьная одежда в виде гимнастерки под ремень с пряжкой, с брюками и фуражкой с кокардой – и все это из натуральной шерсти (тогда как у остальных школьных сверстников, если изредка и были подобные формы – то только из хлопчатобумажных тканей). Но ни один из перечисленных школьных атрибутов мой родственник так никогда и не носил – категорически отказался. Долго спорил с родителями и единственно что стал носить – это дубленку, но и то только после того, как родители ее обшили сверху черным материалом. С шерстяной школьной формой вышел даже конфуз. Родственник лишь однажды после долгих уговоров родителей одел ее в школу. Но тут группа из его дворовых друзей у входа в школьное здание с восторгом засмотрелась на его форму, с иголки на нем же сидевшую. В этот момент мой родственник по необъяснимым для него самого даже спустя много лет причинам вдруг так разнервничался, что ударил по лицу одного из самых близких друзей оказавшимся в руке медным плетеным проводом. Да так сильно, что на щеке друга остался отпечаток той самой скрутки в виде рельефной ссадины. Родственник потом всю жизнь с большим сожалением вспоминал это недоразумение. Больше форменную одежду, естественно, он никогда не носил, ходил в вельветовой курточке, упросил купить ему как у всех резиновые черные сапоги вместо кирзовых, черный же портфель для учебников с ручкой вместо ранца и черную же шапку-ушанку. До школы у него была коричневая зимняя шапка из натуральной овчины в форме чепца. И все это он делал из страха потерять свою на то время дворово-школьную идентичность.

Но после того как родственник мой перешел в 4-ом классе в другую среднюю школу в этом же городе, где учились уже в основном дети более обеспеченных материально родителей, чем его родители, то все обернулось с точностью до наоборот. Теперь уже он сам выпрашивал, и большей частью безуспешно, чтобы ему родители купили ту или иную дорогую по тем временам одежду, подобную той, в какой ходили его новые школьные друзья. А у новых друзей его родители были и директорами заводов, и военными в званиях старших офицеров, и дипломатами, и партийными деятелями областного уровня. Тягаться с таким контингентом родителям моего родственника уже было не под силу. А сам родственник от этого вплоть до окончания школы все переживал. Опять же из-за того, что он терял какую-то часть своей идентичности школьной. Из сказанного следует, что риск потери идентичности может возникать не только из-за изменений в личной жизни или характере индивида, но и из-за смены самих критериев идентичности, которые тесно связаны с окружающим в данный момент индивида социумом. Другими словами, риск потери идентичности может произойти при реформатировании ее критериев. А это реформатирование может происходить как на объективном, так и на чисто субъективном уровне. Именно поэтому описанная выше модель социального доминирования у подростков основана на механизмах *реформатирования критериев идентичности на субъективном уровне*. О таких вот механизмах и пойдет речь в описанном ниже социальном развернутом исследовании.

Но вернемся к объекту нашего анализа – школьному коллективу учащихся. Здесь возможно услышать возражение, что охватываемый период рождения анализируемого контингента учеников школы № 4 г. Ярославля сосредоточен сугубо на послевоенном

времени, т.е. на 1946-47 гг., когда наблюдался сильный гендерный сдвиг, а неполные семьи были больше правилом, чем исключением. В настоящее время такой гендерной диспропорции уже давно не наблюдается, поэтому неполные семьи должны бы быть уже достаточной редкостью, поэтому широко распространенного социального доминирования среди подростков ожидать вроде бы не приходится. Но оказывается, что: «В России по последней переписи насчитывалось 17,5 млн семей с детьми младше 18 лет. Из них 5,3 млн — матери-одиночки, 648 тысяч — отцы-одиночки. Остальные или фактически не живут вместе с супругом, или овдовели, или никогда не состояли в браке. ...Каждый пятый родитель, который должен получать алименты по решению суда, на самом деле их не получает. Алиментщики делают все, чтоб скрыться от выплат на детей. ...Во многих школах 80% детей воспитываются в неполных семьях или с отчимами. Служба судебных приставов завалена взысканиями по невыплаченным алиментам. Слово «папочка» в детских устах звучит все реже» [10]. Более того, даже в тех случаях, когда отец у ребенка есть, и живет с ним и с его матерью вместе, время, которое он уделяет детям, оказывается очень ограниченным. «Папа как бы есть, но папы нет. Но ведь папа должен быть путеводителем по этому сложному миру, защитником и просто — лучшим другом! Сегодня роль отца как никогда приобретает важнейшее значение... Исследование показало, что московские отцы уделяют на них (детей) в среднем 35 минут в день, 18 процентов и вовсе проводят с детьми 15 минут или меньше, 56 процентов опрошенных сослались на занятость рабочими и домашними делами, 23 процента — признались, что не знают, как организовать совместный досуг» [11]. Этот феномен сегодня трактуется как «скрытая безотцовщина». Из всего этого следует, что в настоящее время проблемы, связанные с выявлением и анализом механизмов компенсации психической дезадаптации у подростков из неблагополучных и проблемных семей, остаются как никогда актуальными.

Как причины, так и формы проявления психической дезадаптации у людей могут быть самые разнообразные. Единственная однозначная ее характеристика существует только в качестве медицинского диагноза – это упомянутые выше ССР. К причинам психической дезадаптации в общем случае можно отнести любые изменения, происходящие в окружающей человека среде. Это изменения как в сугубо внешней среде, так и в специфическом внутреннем мире человека. Все, что меняется, всегда создает у человека определенный стресс. Поэтому в качестве базового источника стресса, а значит и источника конфликтности правомерно рассматривать *сам процесс созидания, т.е. инновации. Он определяет качественно такое явление, но конкретное его воплощение уже определяется спецификой социальной психологии того либо иного субъекта инновационной деятельности. Эту ситуацию так констатирует историк А. Фурсов: «...каким бы ни было общество – западным, нашим (я не беру восточное, это вообще другое дело), но любой человек, который претендует на роль создателя и творца, он автоматически вступает в конфликт с социальной системой. Это потом, когда он добьётся, когда он вырубит свою нишу, ему будут рукоплескать, и будут говорить, «вот таким путём нужно идти». Причём будут говорить те, кто этого человека раньше топтал» [12]. Причины стресса могут крыться и в мировоззренческом уровне, на уровне восприятия человеком причинно-следственных связей в окружающем человека мире. В частности: «Тунгусское событие (падение Тунгусского метеорита – В.И.) — старое, забытое, казалось бы, дело... Однако же регулярно возвращаются к этой грозной загадке исследователи, надеясь, по-видимому, найти ответы и на какие-то общие, может быть, даже практически важные вопросы. И еще, наверное, из-за инстинктивной человеческой неприязни к неизвестному» [13, с. 23].*

Методология полевого социологического исследования с включенным наблюдением

Ниже рассмотрим несколько форм такого социального доминирования в дополнении к ранее описанному нами в работе [1] единичному примеру *эмоциональной* формы такого доминирования. Но перед проведением подобного расширенного эмпирического анализа

остановимся на обосновании его как научного подхода в виде *полевой социологии с включенным наблюдением*.

«Особым видом социального исследования, применяемого в этнографии, антропологии, психологии, археологии и социологии, выступает *полевое исследование* (Field research) — изучение социальных явлений методом непосредственного наблюдения за поведением людей в реальных жизненных ситуациях» [14]. Термин «поле» носит здесь метафорический характер и обозначает выход исследователя или команды исследователей на объект: на рынок, городскую улицу, заводской цех и т.п. Название «полевое исследование» не зависит от метода изучения, поэтому речь может идти о традиционном анкетировании, не формализованном интервью или *включенном наблюдении*.

Начиная приблизительно с середины 1990-х гг., когда в российской социологии очень модным становится качественный подход, первоначальное, более универсальное, значение термина «полевое исследование» постепенно сужается. Все в большей мере он начинает обозначать только один вид социологических исследований, а именно качественные. Таким образом, и в социологии постепенно утверждается антропологическое понимание полевого исследования.

При полевом исследовании ученый находится в точке событий и осуществляет непосредственное наблюдение. Например, при выборочном опросе социолог спрашивает группу людей о применении наркотиков, а в полевом исследовании он находится рядом с наркоманами и наблюдает за их действиями. Считается, что собранная во втором случае информация точнее и достовернее информации, собранной в первом. Зато результаты полевого исследования ограничены одной ситуацией, их невозможно или трудно типизировать, если не провести дополнительных исследований. Иными словами, такие данные точны и достоверны, но нерепрезентативны, т.е. ограничены одним случаем.

Актуальность именно полевого исследования подтверждается опытом работы спецслужб в ходе проведения военных операций. Так полковник Центрального аппарата МО РФ в запасе Владимир Трухан следующим образом характеризует подобный подход применительно к специальной военной операции (СВО) на Украине, начатой в феврале 2022 г.: «...военные, разведка и Администрация президента социологию собирают не по ВЦИОМ и не по мутным опросам отдельных деятелей. Там собирается *полевая социология*. Как именно она собирается, я вам не скажу, потому что есть подписанный недавно федеральный закон, который запрещает раскрывать методы работы спецслужб» [15].

Включенное наблюдение — это один из важнейших методов сбора информации в качественных исследованиях. Включенное наблюдение наряду с глубинным интервью является одним из важнейших методов исследования молодежных субкультур. Также этот метод иногда называют «этнографическое исследование», хотя изначально под «этнографическим исследованием» понималось изучение различных (прежде всего экзотических для европейца) культур, а сегодня в социологии «этнографическое исследование» выходит за рамки наблюдения, объединяя различные методы, хотя наблюдение остается наиболее важным из них [16].

Включенное наблюдение предполагает длительное взаимодействие с объектом исследования в естественных для него обстоятельствах. Социолог может «внедряться» в субкультуру и, взаимодействуя с ее представителями, получать ценную информацию. Метод позволяет социологу разобраться в глубинных взаимосвязях и противоречиях объекта. Есть два варианта — объект может знать, а может не знать, что проводится исследование. Социолог «всегда на работе» и взаимодействуя с той или иной социальной средой, он автоматически отмечает ее особенности. Другое дело, когда он решает использовать полученные данные без ведома объекта, то неизбежно встает ряд этических вопросов, которые необходимо решить.

Исследования, проведенные с помощью метода включенного наблюдения, охватывают самые разные проблемы, сферы социальной жизни. Популярен этот метод при изучении субкультур (еще со времен Чикагской социологической школы). Социолог может получить информацию об особенностях поведения, коммуникации, мировоззрения, религии, правилах

этикета и речевых формах и т.д. Понятно, что этот вид исследования сопряжен с большими трудностями самого разного вида: группа может противиться исследованию и агрессивно относиться к социологу; профессиональная этика, предписывающая сохранять конфиденциальность и выполнять обязательства перед согласившимися сотрудничать людьми, может вступать в противоречие с требованиями закона при получении информации о противоправных действиях изучаемого объекта и т.д. Другая сложность включенного наблюдения заключается в том, что, став одним из членов группы, исследователь может утратить объективность и непредвзятость подхода.

Одна из важных проблем этого метода связана с фиксацией получаемой информации. Исследователь с диктофоном, видеокамерой или блокнотом в руках далеко не всегда органично вписывается в изучаемую социальную среду. Соответственно, ему часто приходится полагаться на память, воспроизводя изучаемый материал уже после контакта с объектом исследования. До сих пор ведется дискуссия – является ли чистым наблюдением ситуация, когда группа знает, что ведется наблюдение, как группа изменяет свое поведение, если участвует в исследовании. «Говорить или не говорить», что ведется наблюдение – такое решение принимается на основе взвешенного анализа.

Другая проблема – может ли социолог занимать активную позицию в группе, влиять на происходящее, или он должен максимально оставаться в тени, чтобы не нарушить естественное течение событий, и тем самым не исказить реальную картину. Важным моментом в исследовании молодежным субкультур является нахождение «проводника» – человека, который введет социолога в изучаемую совокупность.

Малая социальная группа как объекта исследования

Из приведенного выше краткого экскурса в теорию и методологию полевого социологического исследования, в том числе на основе включенного наблюдения, можно рассматривать указанный выше анализ школьных, производственных и бытовых биографий, а также анализ взаимоотношений на протяжении более 60 лет, выпускников 1965 г. двух параллельных классов одной из средних школ г. Ярославля в качестве именно такого исследования со всеми его преимуществами и его же частичными недостатками. Здесь присутствует и целевая установка на социальные отношения в условиях инновационной деятельности, в качестве которой выступает формирование личностной индивидуальности подростков, и изучение социальных явлений методом непосредственного наблюдения за поведением людей в реальных жизненных ситуациях, и достаточно длительный временной лаг таких наблюдений и, наконец, своего рода «стабильность» социального объекта, ограниченного на указанном лаге конкретной группой индивидуумов. Что касается используемого здесь понятия включенного наблюдения, то в качестве наблюдателя выступал один из членов этой группы школьников и впоследствии выпускников (назовем его Анатолием), который активно взаимодействовал с различными, порой временными, подгруппами (кружки, художественная самодеятельность, спортивные команды, компании по интересам) исследуемого социального объекта. Он же непосредственно участвовал в составлении сводной анкеты, упоминавшейся выше. Кроме того, по нескольким критериям личностной успешности – он был одним из лидеров в условной «номинации», что давало ему возможность беспрепятственно плотно общаться со всеми членами группы в течение всех этих 60 лет. Он-то как раз и предоставил любезно автору подробную информацию в виде собственных воспоминаний об объекте для целей настоящего социального анализа и его научного обобщения. Им же были переданы автору и представленные ниже на рисунках 1, 2, 3 и 4 групповые фотографии как еще школьников, так и уже взрослых выпускников, как доказательство стабильности и многолетней сплоченности исследуемой социальной группы с сохранившимися у ее членов привязанностями, нестираемыми временем юношескими воспоминаниями, а порой и с производственными и бытовыми взаимными интересами.

Рис. 1. Учащиеся 4-Б класса ярославской средней школы № 4, май 1958 г., г. Ярославль

Единственный вопрос, который может возникнуть в отношении научной чистоты такого конкретного исследования – это возможность проявления доминирования у подростков не только как компенсационного механизма их психической дезадаптации, но и как результата ранговой борьбы в соответствии с этологическим подходом, описанным в работе [17]. Однако хотя ранговое доминирование, т.е. иерархическую борьбу, и нельзя полностью исключить, но его влияние в данной конкретной группе можно считать незначительным по нескольким причинам.

Во-первых, социальное доминирование, о котором идет речь, ставит целью собственную значимость. «Человек, озабоченный собственной значимостью, не нуждается в унижении других людей; напротив, возвыситься в иерархии проще всего унизив окружающих» [17, с. 41].

Во-вторых, выбранная для полевого анализа социальная группа *не является замкнутой*, поскольку ее члены кроме ежедневных школьных контактов, имеют систематические социальные контакты со своими родителями, родственниками, соседями по месту проживания и т.п. В этом случае ранговая борьба не является необходимым условием для такой группы. И внутри нее нет необходимости «...образовывать иерархические социальные структуры, поведение в которых регулируется соответствующими инстинктами» [17, с. 12].

Рис. 2. Группа выпускников 1965 г. ярославской средней школы № 4 из 11-А и 11-Б классов на 40-летию своего выпуска, 02 февраля 2005 г., г. Ярославль

В-третьих, поскольку школа, где обучались подростки, была достаточно привилегированной (одна из первых школ в стране, где было введено углубленное изучение английского языка), то для того, чтобы попасть туда, требовалось пройти определенные тесты. То есть школьники отбирались по критериям воспитанности, управляемости и интеллектуальной развитости, что гарантировало набор детей с *невысоким ранговым потенциалом* и отсутствием «трудностей» при напряженном учебном процессе. «Обычно эвфемизмом «трудность» обозначается неуправляемость ребёнка цивилизованными методами, свидетельствующая о его высоком ранговом потенциале» [17, с. 20].

И, наконец, **в-четвертых**, хотя отмеченный выше отбор школьников и не гарантировал появление у них желательной низкой *примативности*, но поскольку высокая или низкая врожденная примативность проявляется с возрастом, т.е. не сразу, то и на обострение ранговой борьбы она в школьном возрасте не влияет.

Рис.3. Группа выпускников 1965 г. ярославской средней школы № 4 из 11-А и 11-Б классов на 50-летию своего выпуска, 23 мая 2015 г., г. Ярославль

Поясним здесь следующее: *«Примативность – показатель силы врождённых поведенческих программ по отношению к рассудочно-мотивированному поведению. Внешне она выражается в склонности к эмоционально-обусловленным поступкам, и имеет лишь косвенное отношение к интеллекту и культуре как таковым, равно как и к темпераменту в координатах холерик – флегматик»* [17, с. 14].

Отметим здесь еще один момент, касающийся уже терминологии в рамках этологического подхода. «Особь может быть низко ранговой по сути, но обладать одним-двумя сигнальными признаками высокого ранга. Тогда эти один-два ярких *визуальных* (сигнальных) признака могут на кого-то подействовать, несмотря на объективно низкий ранговый потенциал. ... Визуальный ранговый потенциал очень часто бывает иллюзорным, т.е. не соответствующим реальной способности особи к ранговой борьбе» [17, с. 12-13]. Поэтому можно считать, что социальное доминирование как механизм компенсации дезадаптации у подростков в чем-то схож с формированием того самого достаточно хрупкого *визуального* рангового потенциала. Но цели в том и другом случае совершенно разные. Визуальный ранговый потенциал предназначен для целей ранговой борьбы, тогда как социальное доминирование у подростков ориентировано на психотерапевтический эффект.

Рис. 4. Группа выпускников 1965 г. ярославской средней школы № 4 из 11-А и 11-Б классов на 60-летию своего выпуска у входа в родную школу, 17 мая 2025 г., г. Ярославль

Перейдем к собственно анализу того самого, собранного в «полевых» условиях, материала по социальным отношениям в инновационной, по своей сути, практике формирования личности в процессе взросления школьников-подростков на основе социального доминирования. Как выше было сказано, ранее нами в работе [1] была описана одна из форм такого доминирования за счет *эмоционального* воздействия на одноклассников со стороны одного из них, которого мы условно назвали Игнатом. В той же нашей работе биографии Игната была противопоставлена биография Павла, одного из одноклассников Игната, названного условно Павлом, но в отличие от Игната, Павел рос в благополучной семье, и ему не требовалась компенсация дезадаптационных ощущений в виде социального доминирования. На основе противопоставления этих двух биографий нами была построена принципиальная модель формирования лидера в инновационной деятельности, которая иллюстрирует истоки появления как формального, так и неформального лидера в производственном коллективе.

Литературно-художественный аналог полевого социологического исследования

Напомним, что целью описываемых ниже форм социального доминирования у подростков является компенсация психической дезадаптации у них за счет психотерапевтического эффекта со стороны их среды окружения. При этом сам механизм доминирования строится на переформатировании критериев идентичности для членов этой среды. Описываемые ниже примеры основаны на реальных социально-бытовых ситуациях и являют собой именно успешно законченные инновации по переформатированию той самой идентичности. Но эти попытки не всегда бывает удачными с точки зрения их инициаторов, т.е. тех индивидов, которые остро нуждаются в формах компенсации дезадаптационных

ощущений через доминирование над окружающей их средой сверстников. Такая неудачная попытка переформатирования доминирования описана в широко известной в России и за ее пределами повести Юрия Трифонова «Дом на набережной» [18]. «Действие произведения Трифонова происходит на протяжении 40 лет (с 30-х до 70-х годов 20-го века) в правительственном доме. Повесть описывает быт и нравы жителей дома на набережной, многие из которых из комфортабельных квартир сразу попадали в сталинские лагеря. Повествование движется от настоящего к прошлому через воспоминания главного героя о детстве и юности... Повесть также можно назвать философской, семейно-бытовой. Но популярной она стала *благодаря социальному аспекту*.... Главными героями здесь являются автор и его одноклассники: Вадим Глебов, Лёвка Шулепников... Глебов вспоминает своё детство и юность, *дружбу и зависть к Шулепе, сидящую в нём свинцом*... До появления Шулепы в классе первенство было у Глебова, так как его мать запросто пускала без билетов в кино, где она работала.... Глебов очень сильно страдал от несоответствия с Шулепой по жилью и вообще по социальному статусу» [19]. То есть Вадим Глебов с приходом в класс Лёвки Шулепникова (Шулепы) теряет свою идентичность как лидера. И чтобы снова переформатировать свою идентичность и вернуть себе предыдущий статус – Вадим в те достаточно голодные годы приносит в школьный класс целый батон белого хлеба с целью всех удивить своей щедростью и своим материальным достатком. Но... в среде детей из дома правительства этот поступок Вадима вызвал лишь насмешку, а он сам получил прилипшее к нему уже на всю жизнь прозвище «Батон». И, естественно, в дополнении к этому прозвищу - еще и ту самую *сидящую в нем свинцом зависть* к Шулепе. А поскольку многие герои повести имеют своих прототипов среди знакомых писателя, то приведенный выше из этой повести пример неудачного переформатирования идентичности – является показательным и вполне убедительным.

Описанная в повести Ю. Трифонова неудачная попытка переформатирования идентичности, естественно, приводит к психологической травме, сохраняющейся в течение жизни у «соискателя» такого переформатирования. Однако даже успешное завершение опыта подобного переформатирования у подростка с реализацией социального доминирования в малой группе – все равно чревато психологическими проблемами, появляющимися у этого подростка впоследствии. Хотя реализованное доминирование на этапе взросления помогает подростку преодолеть психическую дезадаптацию, однако такой опыт неизбежно во взрослой жизни будет сильно ограничивать его возможности адаптации уже в более сложной социальной среде и будет приводить опять же к психологическим травмам и ощущению неудач и в карьере, и в личной жизни. Именно эти моменты, связанные с закреплением в поведении индивидов определенных поведенческих стереотипов, приобретенных в подростковом возрасте, будут также рассмотрены нами ниже. Рассмотренный художественный аналог нашего полевого социологического исследования, представленный в указанной повести, имеет общие черты не только в методах анализа поведенческих стратегий подростков, а впоследствии уже и взрослых индивидов, но и в выборе специфичной малой группы для исследования – подростков, являющихся в основной массе либо детьми чиновников и партийных функционеров верхнего уровня (в повести это уровень страны, у нас это уровень области), либо детьми обслуживающего персонала учреждений, в которых упомянутые чиновники и функционеры трудятся. В первом случае это министерства и само правительство страны, во втором – это местный обком и местный же горком КПСС.

Но, прежде чем перейти к собственно анализу собранного нами фактологического материала, остановимся еще на одном обобщении повести Ю. Трифонова – ее вполне обоснованно можно считать как раз тем самым полевым социологическим исследованием с внедрением, методологические особенности которого были нами рассмотрены выше. Но если мы перед нашим полевым исследованием ставим конкретные научно-методологические задачи, и пытаемся обобщить итоговый материал под конкретным научным углом зрения, то жанр художественного произведения подобные вопросы оставляет на усмотрение читателя,

уделяя внимание лишь формированию образов на основе описания поведения персонажей и их взаимодействия друг с другом.

Что касается отличий нашего исследования по проблеме формирования личностей подростков в неблагополучных семьях от широкого спектра подобных отечественных и зарубежных научных исследований, то здесь хотелось бы отметить три принципиальных момента.

Во-первых, нами рассматривается комплексная дисфункция неблагополучной семьи, выражающаяся в невозможности устранить дезадаптацию у подростков в период формирования у них личностных качеств и навыков общения. При этом мы не выделяем отдельные моменты, по которым такие семьи не могут успешно (конструктивно) решать внешние и внутренние проблемы, т.е. не могут справляться с семейными функциями – от репродуктивной и хозяйственно-бытовой до социальной, духовной и др. [20].

Во-вторых, наш анализ дисфункциональных семей рассматривает возвращенные в неблагополучных семьях индивидуумы не с точки зрения появления психологических проблем у таких индивидуумов во взрослой жизни, а с точки зрения появления проблем сугубо социальных, связанных с выполнением производственных, в частности инновационных, задач. И если, например, великий психиатр Карл Юнг рассматривает воспитание, не соответствующее правильному развитию ребенка, как источник формирования у него, так называемого *комплекса «мужчина-ребенок»*, что способно навредить психологическому росту и его независимости [21], то наше внимание сосредоточено на закреплении у индивидуума в юности той либо иной формы социального доминирования, которое ограничивает во взрослой его жизни успешность в социальных отношениях как в быту, так и на производстве.

В-третьих, нами рассматриваются подростки, которые будучи взрослыми, проявили себя как грамотные и квалифицированные специалисты. Тем самым мы отсеиваем тех подростков, которые вследствие того, что выросли в неблагополучной семье, испытали в полной мере на себе чрезмерную психологическую нагрузку, искажившую их развитие и самоощущение. Т.е. нами рассматриваются только те подростки, которые сумели, будучи воспитанными в неблагополучных (дисфункциональных) семьях, найти для себя ту либо иную форму компенсации психической дезадаптации за счет социального доминирования в той среде, где они больше всего проводили время, т.е. в общеобразовательной школе. В качестве иллюстрации того, что здоровых психически и успешных в социальных отношениях детей в настоящее время (как и в прошлом) очень мало, можно привести один из комментариев к статье [22]: «История показала - родители, получившие Оскар и заработавшие миллион, вырастили никчемных детей. Соглашусь лишь с тем, что ребёнок вырастает уверенным в себе и здоровым психически, *если его любят безусловно. Но таких родителей мало. В основном перекосы - либо обожают и балуют, либо любят своей эгоистичной большой «любовью» и пичкают комплексами*».

Литература

1. Иванова В.Н. Предпосылки и механизмы формирования социальной конфликтности в инновационной деятельности // Журнал социологических исследований. 2023. №. 4. С. 48-59. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/71838/view> (дата обращения: 04.12.2023).
2. Александровский Ю. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Наука и жизнь. 2008. № 1. С. 36-40.
3. Фрейд З. Психология бессознательного. Сборник произведений. – М.: Просвещение, 1989. – 447 с.
4. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. Пер. с англ. М.Р. Гинзбург. – М.: Педагогика, 1993. – 144 с.
5. Теория социального доминирования: URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Social_dominance_theory (дата обращения: 20.12.2020).
6. Анкеты выпускников Ярославской средней общеобразовательной школы № 4 с углубленным изучением английского языка им. Н.А. Некрасова. – Электронный архив Оргкомитета по подготовке 80-го юбилея школы № 4. Ярославль. 2016 г.
7. Школа № 4: 80 лет мастерства, труда и творчества! // «Комсомольская правда». Ярославль. 01.12.2016 г. С. 8-9.
8. Авторитарная личность: URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Authoritarian_personality (дата обращения: 20.12.2020).
9. Правый авторитаризм: URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Right-wing_authoritarianism (дата обращения: 08.09.2020).
10. Папочка из ЧВК «Вагнер» - «А ты о детях своих подумал?!»: URL: <https://dzen.ru/a/Y-XmfX1LSg507nG7> (дата обращения: 11.02.2023).
11. Бедняков П.В Госдуме заявили об эпидемии "скрытой безотцовщины" в России: URL: <https://ria.ru/20230731/ottsy-1887284515.html> (дата обращения: 31.07.2023).
12. Камешек, об который споткнулся Дивный Новый Мир. Правила жизни Андрея Фурсова: URL: <https://dzen.ru/a/Y5Cl9LXKnNRncfH> (дата обращения: 14.12.2022).
13. Сворень Р. Версия «Гигантская снежинка» // Наука и жизнь. 1975. № 6. С. 22-23.
14. Полевое исследование: URL: https://studopedia.su/18_72479_polevoe-issledovanie.html (дата обращения: 11.12.2022).
15. Курбатов К. Полковник Владимир Трухан: Бодяга на Украине продлится десять лет, так что все идет по плану: URL: <https://ukraina.ru/20221206/1041544719.html> (дата обращения: 11.12.2022).
16. Включенное наблюдение: URL: <https://studfile.net/preview/3658845/page:10/> (дата обращения: 11.12.2022).
17. Протопопов А. Трактат о любви, как ее понимает жуткий зануда: URL: https://www.many-books.org/auth/5672/book/16580/protopopov_anatoliy/traktat_o_lyubvi_kak_ee_ponimaet_jutk_iy_zanuda (дата обращения: 21.03.2023).
18. Трифонов Ю. Дом на набережной, 1976. - 158 с.: URL: https://rus-center.lgaki.info/wp-content/uploads/2022/04/trifonov_dom-na-naberezhnoj.pdf (дата обращения: 11.04.2024).
19. Повесть про сталинскую эпоху Трифонова (2007). Обзор книги «Дом на набережной»: URL: <https://dzen.ru/a/YCuFqF4YjIw11W3c> (дата обращения: 11.04.2024).
20. Мурашева Ю. Почему дисфункциональная, но полная семья калечит сильнее, чем семья неполная?: URL: <https://dzen.ru/a/YmEDXcoPODZY1BK2> (дата обращения: 15.07.2024).
21. Когда у матери нет любви мужа, то она губит своего сына: Карл Юнг о психологии мужчины: URL: <https://dzen.ru/a/Zktmkmorl1jtpNqm> (дата обращения: 03.07.2024).
22. Мадам Хельга. Если вы захотите сделать своего ребенка гением, вы получите алкоголика: предупреждение родителям от Михаила Лабковского: URL: <https://dzen.ru/a/YRljzFDeQCT1OZT> (дата обращения: 01.07.2024).